

4

Π Ο Υ Χ Θ Π Ι Θ

Преосвященнаго Никанора, Архіепископа Херсонскаго и Одесскаго, на день св. Благовѣрнаго князя Александра Невскаго (23 ноября 1886 года).

О томъ, что ересеученіе графа Льва Толстаго разрушаетъ основы общественнаго и государственнаго порядка.

Внемлите отъ лживыхъ пророкъ, иже приходятъ къ вамъ во одеждахъ овчихъ, внутрь же суть волцы хищницы. Отъ плодовъ ихъ познаете ихъ. Еда обземлютъ отъ тернія грозды, или отъ ренія смоквы? Тако всяко древо добро плоды добры творитъ; а злое древо плоды злы творитъ. Не можетъ древо добро плоды злы творити, ни древо зло плоды добры творити. Всяко убо древо, еже не творитъ плода добра, посыкаютъ е, и во огонь еметають. Тъмже убо отъ плодовъ ихъ познаете ихъ (Мат. 7, 15—20).

Иероглифы читаются и толкуются людьми, которые приучены разбирать ихъ. И знаніе однихъ, поощряемое довѣріемъ другихъ, ведетъ иногда къ великимъ открытіямъ. Къ нашему прискорбію, мы, привыкшіе разбирать священныя и таинственныя письма православнаго христіанскаго богословія и толковать, что подъ ними скрывается, мы не

СТРОГАНОВ

289

всегда пользуемся такимъ довѣріемъ другихъ. Такъ, когда мы говоримъ, что ереси, которыми развиваются антихристіанскія начала, подрываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и основы построеннаго на православныхъ началахъ вѣры русскаго общества, то принято за обычай намъ не вѣрить. Не вѣрили намъ, когда мы твердили это касательно многихъ отдѣловъ безпоповщинскаго раскола, духоборцевъ, хлыстовъ и т. п. Не вѣрили, когда мы заговорили это относительно только что возникшаго якобы научнаго нигилизма; не вѣрили и сперва даже заигрывали съ нимъ.... до Каракозовщины. Не вѣрятъ, когда мы предсказываемъ тоже относительно Пашковщины, штундизма, анабаптизма. Не вѣрятъ намъ, когда мы взываемъ ко всѣмъ: поддержите русскую православную вѣру и церковь,—поддерживая се, вы поддерживаете государство. Не вѣрятъ, что и теперь, какъ всегда, міромъ управляетъ идея, и что идея, проявляющаяся въ вѣрѣ, въ христіанствѣ, въ православіи, есть самая мощная, самая основная, самая капитальная и руководственная для нашего народа и царства и всего славянства. Посмотрите вотъ на Болгарію, на славянскій міръ,—кто тамъ съ Богомъ, со Христомъ и за православіе, тѣ и съ нами, тѣ не противъ Россіи, тѣ за русскаго православнаго Царя. Съ нами и съ нами Богъ. А кто тамъ противъ православія, противъ Христа и противъ Бога, тѣ и противъ насъ. А тѣ, кто тамъ противъ насъ, тѣ, сами даже радикалы, даже атеисты въ душѣ, тѣмъ не менѣе, будучи расчетливѣе и предусмотрительнѣе насъ, сейчасъ же берутся за энергическую пропаганду между православными братьями нашими иновѣрія—католичества и протестантства, отчетливо понимая, что пока Славяне вмѣстѣ и православные,

они наши братья по крови и духу; а разъ станутъ они иновѣрцы, вмѣстѣ съ тѣмъ станутъ и кровные наши враги. Увы! на Руси это тускло понимается нашею интеллигенціей, не только индифферентами, но и православными, или даже отрицается сознательно, иногда даже злорадно. Къ счастью, къ несчастію, теперь вотъ на тускломъ горизонтѣ отуманенія и омраченія русскихъ умовъ поднялось новое великое, багрово-красное свѣтило, свѣтло-сіятельный и просвѣщенныйѣйшій графъ Левъ Николаевичъ Толстой. И къ нему обращаются не только взоры, но и сердца очень многихъ, особенно же умныхъ интеллигентныхъ русскихъ. Восходъ его встрѣчаютъ не только съ рукоплесканіями, но и больше того, съ умиленіемъ, забавнымъ—правда—умиленіемъ, и колѣно-преклонною, забавною же мольбою: «великій учитель! учи насъ, учи! Графъ, говорите теперь, говорите уже безъ разсужденій, безъ анализовъ философскихъ, безъ горькихъ воспоминаній о прошломъ, безъ самобичеванія.... Мы готовы васъ слушать» (какую бы нелѣпость вы ни сказали), «слушать также безъ разсужденій съ своей стороны и исполнять безъ противорѣчій, безъ возраженій, покорно и благоговѣнно. Учи насъ, учи неразумныхъ, великій нашъ учитель!».... И графъ проповѣдуетъ. Графъ литераторъ, романистъ, творецъ Анны Карениной, великій, по его собственной исповѣди въ вслухъ всего свѣта, грѣховодникъ, сочиняетъ новое евангеліе! И есть умники и много ихъ, которые новое евангеліе изъ рукъ графа-литератора пріемлютъ съ такимъ же умиленіемъ и благоговѣніемъ, какъ и Анну Каренину. Сказали бы мы древнимъ стихомъ: «смѣхъ удержите друзья», еслибъ это не было такъ плачевно, такъ горько для русскаго сердца, такъ позорно для русскаго ума.

Да опомнитесь. Перестаньте быть и жалкими и смѣшными.

Къ счастію, мы сказали, даже мы въ нѣкоторомъ отношеніи можемъ быть признательны графу Льву Толстому. Поощряемый этимъ ребячливымъ благоговѣніемъ со стороны чуть не всѣхъ и изумительною толеранціею со стороны многихъ, шутовскп и бошунно рядясь въ хламиду вселенскаго учителя проповѣдника, графъ, не задумываясь подтверждаетъ нашу теорію, наше постоянное настояніе, не задумываясь преспокойно разрушаетъ основы не только всякой церкви и религіи, но и общества, и государства, и народа, и не только всякаго, но и русскаго общества, народа и государства.

Это мы теперь и разъясимъ.

Видите, догматику христіанскую графъ отвергъ, исторію искажилъ, да она ему и не нужна, не только догматика, но и исторія евангелія. Изъ евангелія онъ беретъ только нравственныя заповѣди; да и изъ тѣхъ беретъ только пять заповѣдей. Такъ ему угодно. Вотъ эти пять излюбленныхъ графомъ заповѣдей: 1) не противься злу или злему, 2) не прелюбодѣйствуй, 3) не клянись, 4) не судись и 5) не воюй. Почему бы не сказать еще: чти отца твоего и мать, не воруй, не роскошествуй, не гонись за благами сего міра, терпи гоненія, не бойся убивающихъ тѣло и т. д. безъ конца. Вѣдь все это заповѣди Христовы,—отчего же исключилъ ихъ графъ Толстой? И гдѣ нашелъ онъ у Христа заповѣдь запрещающую войны или же суды? Но объ этомъ разсудимъ послѣ, на какомъ это основаніи графъ строитъ свою систему вѣры и нравоученія. А теперь мы разъясимъ только то, что графъ Толстой подрываетъ основы общества и государства и народности.

И разъяснять намъ это совсѣмъ не требуется. А стоитъ только выписать собственныя изреченія графа *).

Приурочивая всѣ свои нравоученія къ вышеназваннымъ пяти заповѣдямъ, графъ Левъ Толстой *отвергаетъ разность общественныхъ состояній, какъ зло*. Осуждая враждебность какъ зло, графъ учитъ: «теперь уже я не могу оправдывать свой гнѣвъ, считая себя человекомъ высшимъ. Это искушеніе повергало меня въ гнѣвъ. Оно состояло въ томъ, что я *отдѣлялъ себя отъ подобныхъ мнѣ*, признавалъ равными себѣ только небольшое число ихъ. Теперь моя вѣра *взѣлила всю мою оцѣнку того, что добро и велико, и что худо и низко*. Все, что мнѣ прежде казалось добрымъ и великимъ—*почести, слава, цивилизація* и т. д., *все это сдѣлалось для меня злымъ и низкимъ*. Теперь я не могу уже усвоить себѣ ничего такого, что по вѣншности возвышало бы меня предъ другими, отдѣляло отъ нихъ. Я не могу, какъ прежде, признавать ни за собой *ни за другими титуловъ*», (ни даже Императорскаго Величества?!)
«*ранговъ, достоинствъ*» (ни даже Царскаго?!), «*кромѣ титула и званія человека.*»

Графъ Левъ Толстой *отрицаетъ учрежденіе законнаго брака*. Предписывая соединеніе всякаго человека съ одною женщиной, графъ Толстой поучаетъ: «важнымъ мнѣ кажется *не столько человеческое учрежденіе брака*, налагающаго вѣншнюю печать законности на соединеніе мужчины съ женщиной, *сколько самое соединеніе мужчины съ женщиной*. Я не могу дѣлать различія между *тѣми связями*,

*) Правосл. Собесѣдникъ, 1886 г. Іюнь, стр. 214; Ma religion, гл. XII

которыя называютъ супружествомъ, и тѣми, которымъ отказываютъ въ этомъ имени».

Графъ Левъ Толстой отвергаетъ всякую клятву и присягу, и поучаетъ: «теперь я не могу, какъ прежде, обѣщаться клятвенно въ чемъ бы то ни было, кому бы то ни было; не могу, какъ прежде, оправдываться въ томъ, что далъ клятву, что такъ поступаютъ все люди, что это необходимо для государства, и что если я откажусь подчиниться этому требованію, то это будетъ дурно и для меня и для кого нибудь другаго. Теперь я знаю, что это зло и для меня и для другихъ, и я не могу дѣлать этого. Теперь я знаю ту сѣть, которая заставляла меня впадать въ это зло, и я не могу быть соучастникомъ ея. Я знаю, что эта сѣть, западня, состоитъ въ томъ, что имя Бога въ клятвѣ, въ присягѣ, служитъ санкціей обмана. А этотъ обманъ состоитъ въ томъ, что мы обѣщаемъ напередъ повиноваться повелѣніямъ одного человека, или многихъ людей, тогда какъ человекъ можетъ повиноваться только одному Богу. Теперь я знаю, что самое страшное по своимъ послѣдствіямъ зло—убійство на войнѣ, заключеніе въ тюрьму, экзекуція, наказанія, совершаются единственно благодаря клятвѣ, въ силу которой люди, дѣлающіе себя орудіемъ зла, считаютъ себя свободными отъ тяготѣющей на нихъ отвѣтственности. Теперь, вспоминая о массѣ золъ, я вижу, что все это имѣло своею причиною клятву, обязательство подчиняться волю другаго. Теперь я убѣдился, что клятвенное обязательство разрушаетъ мое истинное благо и благо другаго, и эта моя вѣра измѣнила мою оцѣнку добраго и злаго, высокаго и презрѣннаго. Все, что мнѣ прежде казалось добрымъ и великимъ: клятвенное обещаніе вѣрности

правительству, требованіе клятвы отъ другихъ, и все дѣйствія, противныя совѣсти, совершаемыя во имя клятвы, все это стало мнѣ казаться злымъ и презрѣннымъ. Поэтому я теперь не могу уже удаляться отъ заповѣди, запрещающей клятву, я не могу обязывать себя клятвой кому бы то ни было, ни заставлять другаго клясться, ни содѣйствовать тому, чтобъ люди клялись или принимали клятву, или смотрѣли на клятву, какъ на вещь необходимую и важную».

Графъ Толстой отрицаетъ всякую общественную и частную защиту лица, собственности, правъ, всякій судъ, всякую власть. Такъ осуждая всякое обращеніе къ насилию, всякое употребленіе насилія противъ людей для сопротивленія злему, графъ проповѣдуетъ, что онъ «не можетъ оправдывать это зло тѣмъ предлогомъ, что оно необходимо для защиты себя и другихъ, для защиты собственности своей и чужой. Впадать въ это зло заставляло меня ложное вѣрованіе, что моя жизнь гарантирована насиліемъ, защитой моей личности и моей собственности противъ другихъ людей. Наибольшая часть жизненныхъ золъ происходитъ отъ того, что каждый считаетъ вещь дозволенной защищаться силой и видитъ въ этомъ наилучшую гарантию жизни и собственности. Эта вѣра измѣнила мою оцѣнку того, что добро и что зло и презрѣнно. Все, что нѣкогда казалось мнѣ хорошимъ и великимъ: собственность всякаго рода, забота о своемъ достоинствѣ, мои права, теперь все это сдѣлалось для меня дурнымъ и презрѣннымъ. Сознательно я не могу уже впасть въ эту сѣть, губительную и для меня и для другихъ: я не могу уже пріобрѣтать собственности; я не могу уже прибѣгать къ силѣ, подѣ

какой бы формой она ни была» (напр. воинской повинности), «для защиты себя и других; я не могу принимать участія ни въ какомъ актѣ власти, имѣющемъ цѣлью защиту людей и ихъ собственности насиліемъ; я не могу быть судьей, принимать участіе въ судѣ, быть облеченымъ какою нибудь властью, или составлять часть какой нибудь власти. Я не могу также дѣлать и того, чтобы при моемъ содѣйствіи другіе принимали участіе въ судилищахъ или въ какой нибудь власти».

Графъ Толстой отвергаетъ отечество, всякую къ нему любовь, всякую ему вѣрность. — «Я знаю,» — проповѣдуетъ онъ, — «что мое различіе между моимъ народомъ и другими народами есть зло. Знаю, что эта сѣть состоитъ въ ложной вѣрѣ, будто мое благо солидарно только съ благомъ моего народа. Знаю, что моя связь съ другими людьми не можетъ быть разорвана пограничною линіей или декретомъ какого нибудь» (и своего) «правительства, опредѣляющаго, что принадлежитъ тому или другому народу. Теперь вспоминая о всемъ злѣ, какое я сдѣлалъ, испыталъ или видѣлъ вокругъ себя изъ-за національной вражды, я вижу ясно, что причина всего этого была грубая ложь, называемая патриотизмомъ и любовью къ отечеству. Вспоминая о своемъ воспитаніи, теперь я вижу, что всѣ эти чувства національной ненависти, какъ и эта грубая ложь, называемая патриотизмомъ и любовью къ отечеству, внушены были мнѣ безсмысленнымъ воспитаніемъ. Это вѣра измѣнила всю мою оцѣнку добраго и злаго, великаго и презрѣннаго. Что мнѣ казалось добрымъ и великимъ: любовь къ отечеству, любовь къ моему народу, ко всему этому величественному зданію, которое называютъ

государствомъ, услуги, какія оказываютъ государству въ ущербъ благу другихъ людей, подвиги людей военныхъ, все это мнѣ кажется теперь отвратительнымъ» (не болѣе ни менѣ!) «и жалкимъ. Что мнѣ казалось постыднымъ и дурнымъ: отреченіе отъ отечества, теперь напротивъ кажется добрымъ и великимъ. Если и теперь въ минуту забвенія я могу желать успѣха Россіи, русскому народу, то въ мои свѣтлыя минуты я не могу подчиняться этимъ хищерамъ. Я не могу уже признавать ни государствъ, ни народовъ; я не могу уже ни на словахъ, ни перомъ принимать участія въ какой нибудь распрѣ между народами и государствами, а еще менѣе могу оказывать услуги какому бы то ни было государству. Я не могу принимать участія во всѣхъ этихъ дѣлахъ, которыя основаны на раздѣленіи государствъ, каковы: таможенные пошлины, налоги, фабрикація оружія, или въ какомъ нибудь дѣйствіи, имѣющемъ цѣлью вооруженія, военную службу, а тѣмъ болѣе войны; я не могу содѣйствовать и тому, чтобы дѣлали это и другіе».

«Говорятъ: приходитъ врагъ, нѣмцы, турки, дикари, и если вы не станете воевать съ ними, то они истребятъ васъ. Это несправедливо,» — проповѣдуетъ графъ. — «Они взяли бы у насъ все то, что добровольно предоставили бы имъ люди, для которыхъ нѣтъ разницы между русскимъ, туркомъ и дикаремъ. Знающій истину знаетъ ее только для того, чтобы засвидѣтельствовать ее предъ не знающимъ ее, своими дѣлами. Эти дѣла: отказаться отъ войны, не различая того, что называютъ врагомъ и соотечественникомъ. Мнѣ скажутъ: правительство не можетъ допустить, чтобъ какой нибудь членъ общества не признавалъ самыхъ

оснований правленія и чтобъ онъ уклонялся отъ обязанностей всякаго гражданина. Власть будетъ требовать участія въ судѣ, въ военной службѣ, и за отказъ накажетъ ссылкой, заключеніемъ въ тюрьму, даже смертью. Ну что же! Для знающаго истину графа эти требованія власти суть требованія людей не знающихъ истины. Всякое насилие, война, разбой совершаются людьми слѣпыми и лишеными познанія истины».

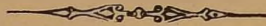
Не подумайте, что графъ знаетъ такую странную неслыханную истину только про себя. Нѣтъ, онъ ее проповѣдуетъ, и цѣлью своей жизни поставляетъ проповѣдывать ее въ слухъ всего свѣта. «Я вѣрую»,—проповѣдуетъ графъ,—«что моя разумная жизнь—мой свѣтъ данъ мнѣ только для того, чтобы свѣтить предъ людьми. Я вѣрую, что мое познаніе истины есть талантъ, ввѣренный мнѣ для того, чтобъ я употребилъ его въ дѣло, и что этотъ талантъ есть пламя, которое блеститъ только, когда горитъ. Я вѣрую, что единственный смыслъ моей жизни состоитъ въ томъ, чтобы жить въ ясности того свѣта, который во мнѣ, и ставить его не подъ спудомъ, но высоко предъ людьми, чтобы люди видѣли его».

И вся Русь глядитъ на этотъ страннаго зловѣщаго свѣта блескъ. Загорается онъ ярче и ярче. Вся интеллигентная Русь съ умиленнымъ благоговѣніемъ склонила свои головы предъ этимъ возгорающимся свѣтомъ. Я знаю, слышу и вижу, что графа Толстаго не только читаютъ, имъ зачитываются, по газетному выраженію, малые и старые, не только питомцы, но и воспитатели, и наоборотъ, не только воспитатели, но и питомцы. Зачитываются и простые люди. Десятками и сотнями тысячъ экземпляровъ вѣручи-

тельныхъ писаній графа завалены книжные магазины, какъ и коробы книгоношъ. Наблюдатели за ними легкомысленно, если только не злорадно, потѣшаются себя тѣмъ, будто бы писанія графа касаются только вѣры. Образумьтесь! Они касаются всего, основъ государства во первыхъ! Писаніями о писаніяхъ графа наполнена вся современная россійская письменность. Принято въ печати какъ бы общимъ всероссійскимъ договоромъ называть графа—проповѣдника не иначе, какъ высоко-почтительными именами: «нашъ великій учитель, нашъ гениальный художникъ, гениальный поэтъ». Подумайте, откуда эти гиперболы? Кромѣ общепризнаннаго гениа поэта Пушкина, кого изъ писателей величаютъ гениями? Почти никогда не величаютъ ни Лермонтова, ни Гоголя, ни Тургенева, ни наконецъ Достоевскаго, величайшаго художественнѣйшаго мыслителя. А на другихъ поприщахъ у насъ на Руси нечего и думать заслужить высокое титуло гениа, великаго учителя. Гении на Руси рождаются развѣ только для романической литературы, да еще развѣ для театральныхъ подмостковъ, гдѣ такъ нерѣдки гениальные артисты и артистки. Это значить, что интеллигентная Русь только пока и способна понять, что романъ или же театральную пьесу. И чѣмъ они легче, тѣмъ и лучше. Достоевскій тяжелъ. А графъ Левъ Толстой написалъ два легкихъ удачныхъ романа, и за это онъ—«нашъ гениальный поэтъ»,—тогда какъ съ такимъ же правомъ это великое титуло можно бы приписать нашимъ старымъ романистамъ: Загоскину, Лажечникову, даже Булгарину, Кукольнику и т. д. Еще съ большимъ правомъ можно бы приписать новѣйшему романисту Маркевичу. За чтожь ему такая честь? За что такое вниманіе, такое рабское повлоненіе одному

графу Льву Толстому? «Учи насъ, великій нашъ учитель, учи» Не за то ли, что онъ подрываетъ основы не только религіи, но и государства? А не лучше ли пристало бы къ проповѣднику измѣны не только вѣрѣ отцевъ, измѣны не только истинному Христу и Богу отцевъ, но измѣны и Россіи, какъ обществу, какъ народу, какъ государству, измѣны наконецъ или во первыхъ и русскому православному, Богоизбранному и Богопомазанному Царю, — къ человѣку такихъ пагубныхъ идей и стремленій не лучше пристало бы другое имя? . . . Назовите сами. А пора назвать вещи ихъ собственнымъ именемъ, снять съ волка шкуру кроткой овечья.

Беритесь ложепророковъ, — предостерегаетъ насъ самъ истинный Христосъ Богъ нашъ; — которые приходятъ къ вамъ въ овечьей одеждѣ, а внутри суть волки хищные. По плодамъ ихъ узнаете ихъ. Собираютъ ли съ терновника виноградъ, или съ рпейника смоквы? Такъ всякое дерево доброе приноситъ и плоды добрые; а худое дерево приноситъ и плоды худые. Не можетъ дерево доброе принести плоды худые, ни дерево худое принести плоды добрые. Всякое дерево, не приносящее плода добраго, срубаютъ и бросаютъ въ огонь (Мат. 7, 15—20). Аминь.

Печат. дозв. Одесса. 29-го Ноября 1886 г. Цензоръ прот. **Василій Войтковскій**.
«Славянская Типогр.» Н. Хрисогелосъ Ланжер. ул., д. № 23, въ Одессѣ.

1243

7025